

ОТ РЕДАКЦИИ

На наш взгляд, книга Кена Нэбба (Ken Knabb) - одна из самых интересных работ, изданных в последние годы левыми кругами России. В ней затронуты вопросы, которые у нас почти не обсуждались: человеческие отношения, правила поведения, возможные противоречия в будущем коммунистическом обществе. К. Нэбб стремится мыслить «постэкономически», как и «положенно» при коммунизме. Вместе с тем, вслед за лидерами упомянутого в работе Ситуационистского интернационала (создан в 1957 г.) - полевешей творческой богемой - в своих рассуждениях о революции автор больше погружается в мир психологии и личностных проблем. Отношения же людей в процессе производства - основа общественных отношений - для него, судя по этой книге, вопрос второстепенный.

Не заметил автор и одной из величайших революций ушедшего века - Октябрьской революции. Причина этого, видимо, в том, что Октябрь не оправдал возложенных на него западными левыми надежд.

Мы надеемся, что талантливая работа К. Нэбба, при всех её издержках, всё же поможет читателям хоть «одним взглядом» увидеть коммунизм, почувствовать атмосферу нового общества, представить себя среди людей из коммунистического завтра. Ведь чтобы бороться и победить, революционерам надо не только знать, но и живо представлять, к чему стремиться.

Всем желающим редакция «ЛП» поможет получить полный вариант «Радости революции».

(продолжение. начало на стр. 1)

Удержание масс в неведении (уповающих на то, что либеральные судьи защитят гражданские свободы, а либеральные законодатели проташат прогрессивные реформы) ведёт лишь к массовой обратной реакции, когда болезненные вопросы всё-таки выйдут на поверхность.

При ближайшем рассмотрении, однако, большинство примеров угнетения большинством меньшинства показывает, что это происходит не из-за власти большинства, а из-за скрытой власти меньшинства, при которой правящая элита играет на всех имеющихся расовых или культурных антагонизмах, для того, чтобы обратить ярость эксплуатируемых масс друг против друга. Когда люди обретают реальную власть над своими собственными жизнями, у них найдутся более интересные вещи, чем преследования меньшинств.

При любом упоминании о возможности неиерархического общества возникает так много предположений о преступлениях или катастрофах, что было бы невозможно дать на все ответ. Люди покорно принимающие систему, ежегодно обрекающую миллионы на смерть от войн и голода и миллионы других на тюрьмы и пытки, вдруг спускают с цепи своё воображение при одной мысли о том, что в самоуправляющемся обществе могут быть хоть какие-то злодеяния, насилие, принуждение, несправедливость, или даже просто временные неудобства. Они забывают, что новая социальная система призвана не разрешить все наши проблемы; она просто должна обращаться с ними лучше, чем нынешняя система - не очень-то большая задача.

Если бы история следовала за самодовольными мнениями официальных комментаторов, революций бы не происходило. В любой данной ситуации всегда находится множество идеологов, готовых заявить, что радикальные перемены невозможны. Если экономика нормально функционирует, они будут утверждать, что революция зависит от экономических кризисов; а при экономическом кризисе, другие с не меньшей уверенностью объявят, что революция невозможна потому, что люди слишком заняты собственным выживанием. Первые, ошеломлённые восстанием в Мае 1968 г., пытались ретроспективно обнаружить невидимый кризис, на котором настаивает их идеология. Вторые утверждают, что ситуационистская перспектива исчерпана из-за ухудшившихся с тех пор экономических условий.

На самом деле, ситуационисты просто отметили, что повсеместное достижение капитализмом избытка продемонстрировало, что гарантированное выживание не может заменить собой реальную жизнь. Периодические взлеты и падения экономики не оказывают влияния на этот вывод. Тот факт, что несколько человек наверху недавно смогли присвоить себе ещё большую часть социальных богатств, выгоняя большую часть населения на улицу и терроризируя остальное население угрозой разделить ту же участь, делает возможность постдефицитного общества менее явной; но его материальные предпосылки все еще существуют.

Причиной экономических кризисов, служащих свидетельством того, что нам следует «умерить наши ожидания» на самом деле является перепроизводство и нехватка работы. Абсолютная абсурдность нынешней системы проявляется в том, что безработицу считают проблемой, в то время как потенциально экономичные труд технологии направлены на создание новых рабочих мест для замены старых, которые становятся ненужными. Проблема здесь не в том, что у многих людей нет работы, но в том, что у многих людей она все еще есть. Нам следует повышать свои ожидания, а не умерять их.

АБСУРДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ТРУДА

Пятьдесят лет назад Пол Гудмен подсчитал, что менее 10% выполняемого в то время труда способны удовлетворить наши основные нужды. Каковой бы ни была точная цифра (сейчас она будет даже ниже, хотя она конечно зависит именно от того, что мы считаем нашими основными нуждами), ясно что большая часть современного труда абсурдна и не нужна. С упразднением товарной системы, сотни миллионов людей, которые сейчас заняты производством излишних товаров, или их рекламой, их упаковкой, их транспортировкой, их продажей, их охраной, или зарабатыванием на них (продавцы, клерки, бригадиры, менеджеры, банкиры, брокеры, арендодатели, профсоюзные лидеры, политики, полиция, адвокаты, судьи, тюремщики, охранники, солдаты, эконо-

номисты, рекламные дизайнеры, производители оружия, таможенные инспекторы, сборщики налогов, страховые агенты, консультанты по инвестициям, вместе с их многочисленными подчинёнными) будут все освобождены от этого в пользу совместного выполнения актуальных задач.

Прибавьте безработных, которые в соответствии с недавним отчётом ООН составляют сейчас свыше 30% мирового населения. Если эта цифра кажется высокой, это потому, что она включает заключённых, беженцев и многих других, обычно не учитываемых официальной статистикой безработицы, т.к. они отчаялись в своих попытках найти работу, как превращённые в инвалидов алкоголем и наркотиками, или те, кому настолько противен существующий выбор работы, что они прила-

гают всю свою энергию, избегая её путём преступлений и афер. Прибавьте миллионы престарелых, которые очень хотели бы заниматься полезной деятельностью, но которых сей-

час обрекают на тоскливую, пассивную пенсию. Также подростки и даже дети, которые взяли бы с энтузиазмом за многие полезные и образовательные проекты, если бы не были ограничены устаревшими школами, всё ещё рассчитанными на слепое, безграмотное подчинение. Огромен компонент растраты времени, даже в явно полезных работах. Врачи и медсестры, например, проводят большую часть своего времени (помимо заполнения страховых форм, счетов пациентов, и т.д.), пытаясь с ограниченным успехом противодействовать всем видам проблем, порождённых обществом, таких как травмы на производстве, автокатастрофы, психологические проблемы и болезни, вызванные стрессом, загрязнением среды, плохим питанием или антисанитарными условиями, не говоря уже о войнах и об эпидемиях, которые следуют за ними, проблемах, которые исчезнут в освобождённом обществе, освобождая работников здравоохранения для концентрирования на основной профилактической медицине.

Одинаково огромен намеренно растроченный труд: работы, изобретённые только с тем, чтобы занять людей; подавление методов, гарантирующих работу, усиливающее опасность потерять работу, намеренно замедленные темпы работы; техники саботажа для оказания давления на боссов, или просто из гнева и разочарования. Не забудьте также об абсурдном законе Паркинсона (работа, растянутая с тем, чтобы занять время), о принципе Питера (люди, поднятые на свой уровень безграмотности) и другие схожие тенденции, так смешно описанные в сатире К. Норткота Паркинсона и Лоуренса Питера.

И насколько много напрасного труда будет уничтожено, когда продукты производятся для длительного употребления, а не предназначены для быстрого износа или выхода из моды с тем, чтобы люди покупали их снова. (После краткого первоначального периода высокого производства для обеспечения каждого прочными, высококачественными товарами, многие отрасли промышленности можно свести к очень скромным уровням, достаточным для их восстановления, или повышения их качества если разрабатывается действительно серьёзное улучшение). Рассматривая все эти факторы, легко увидеть, что в обществе со здоровой организацией количество необходимого труда можно уменьшить до одного-двух дней в неделю.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РАБОТЫ В ИГРУ

Но такое резкое количественное уменьшение произведёт качественное изменение. Как обнаружил Том Сойер, когда люди работают не

по принуждению, даже самое банальное задание может стать новым и увлекательным: проблема теперь не в том, как заставить людей выполнять его, но в том как разместить всех желающих. Было бы нереальным ожидать, что люди будут работать полный рабочий день на неприятных и в основном бессмысленных работах без надзора и экономических стимулов; но ситуация становится совершенно иной, если речь идёт о том, чтобы заниматься от десяти до пятнадцати часов в неделю достойными, разнообразными, самоуправляющимися задачами по своему выбору.

Более того, многие, начиная заниматься интересными для себя проектами, не захотят ограничиваться минимумом. Это уменьшит число необходимых задач до ещё более микроскопического уровня для тех, у кого не будет подобного энтузиазма.

Нет нужды возиться с термином «работа». Работа за зарплату должна быть упразднена; осмысленная, свободно выбранная работа может принести столько же удовольствия, сколько игра. Наша нынешняя работа обычно производит практические результаты, но не те которые выбираем мы, поскольку большая часть нашего времени посвящена банальностям. С упразднением труда за зарплату, работа станет более игровой, а игра более активной и творческой. Когда люди больше не сходят с ума из-за своей работы, им больше не понадобятся бессмысленные, пассивные развлечения, чтобы отдохнуть от неё.

Не то чтобы тривиальный досуг был чем-то неправильным; нужно просто понять, что его привлекательность в данный момент проистекает из отсутствия более полноценной деятельности. Тот в чьей жизни не хватает реального приключения находит замену экзотике, собирая артефакты других времён и стран;

КЕН НЭББ (главы из книги)

РАДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

тот, чья работа абстрактна и фрагментирована способен сделать многое ради того, чтобы произвести цельный конкретный предмет, даже если этот предмет не более значителен, чем сборная модель корабля. Эти и бесчисленные другие хобби показывают постоянство творческих импульсов, которые воистину расцветают при правилах свободной игры на широком масштабе. Представьте себе, как люди, которым нравится работать по дому или в саду, начинают работать для всей или части общины; или как тысячи энтузиастов-железнодорожников будут воодушевлены возможностью перестроить и задействовать улучшенные версии железнодорожной сети, которая станет одним из основных средств уменьшения автомобильного движения. Когда люди подвержены подозрениям и угнетающим правилам, они естественно стараются сделать настолько мало насколько возможно. При свободе и взаимном доверии будет противоположная тенденция гордиться наилучшим возможным исполнением своей работы. Хотя некоторые обязанности в новом обществе будут более популярными, чем другие, у настоящего трудных и неприятных будет возможно более, чем достаточно добровольцев, в соответствии с желанием потягаться с вызовом или ради благодарности, если не из чувства ответственности. Даже теперь многие люди счастливы добровольно участвовать в достойных проектах, если у них есть время; их будет намного больше, если им не придется постоянно беспокоиться об обеспечении основных нужд для самих себя и для своих семей. В худшем случае, некоторые совершенно непопулярные работы придется разделить на кратчайшие по возможности смены и распределять их по жребью до их автоматизации. Или можно будет проводить аукционы с целью найти желающих выполнять их, скажем, по пять часов в неделю при стандартной десяти-или пятнадцатичасовой нагрузке; или за несколько экстра-кредитов.

Нерасположенные к сотрудничеству люди возможно будут настолько редкими, что остальное население может просто оставить их в покое, вместо того, чтобы давить на них, застав-

ля вносить свой небольшой вклад. При определённом уровне достатка проще не беспокоиться о нескольких возможных злоупотреблениях, чем нанимать армию табельщиков, бухгалтеров, инспекторов, информаторов, стукачей, дубаков, ментов и т.д. вынюхивающих каждую деталь и наказывая каждое нарушение. Нереально ожидать, что люди станут более щедрыми и склонными к сотрудничеству, когда вокруг ничего не происходит; но большой материальный избыток создаст ограничения для злоупотреблений, так что не будет иметь значения будут ли вносить люди меньший или больший вклад в общее дело.

Упразднение денег предупредит то, что кто-либо будет брать больше своей доли. Большинство опасений по поводу, освобождения общества заключается на том предубеждении, что деньги (и т.о. также их естественный защитник; государство) все ещё будут существовать. Это партнерство государства и денег создаёт неограниченные возможности для злоупотреблений (подкупленные юристы, выскивающие лазейки в налоговом законодательстве и т.д.); но по их упразднении исчезнут мотивы и средства для подобных злоупотреблений. Абстрактность рыночных отношений даёт возможность любому анонимно накапливать богатство, косвенно лишая тысячи других их основных средств; но с упразднением денег любая значительная монополизация будет слишком бросаться в глаза.

Из любых других форм обмена, которые могут появиться в новом обществе, простейшей и возможно самой распространенной из них будет обмен дарами. Общий досток распространит щедрость. Дарить весело и приносит удовлетворение, без документных бухгалтерских подсчетов. Единственные расчеты будут связаны со здоровым общим соревнованием. «Соседняя община подарила менее обеспеченной области столько-то; мы уж наверняка сможем сделать столько же». «Они устроили классную вечеринку; посмотрим, сможем ли мы их переплюнуть». Небольшое дружеское соперничество (кто придумает самый вкусный новый рецепт, вырастит больший овощ, разрешит социальную проблему, придумает новую игру) будет всем во благо, даже проигравшим.

Возможно, освобожденное общество будет функционировать как импровизированная вечеринка. Большинству людей нравится готовить для других; но даже если кому-то нечего предложить, есть много других возможностей. Не обязательно, чтобы каждый вносил одинаковую долю, потому что задачи будут настолько минимальными и настолько широко распределены, что никто не будет перегружен. Поскольку все будет открыто вовлечены, не будет надобности контролировать людей или устанавливать наказания за неподчинение. Единственным элементом «принуждения» будет одобрение или неодобрение других участников: благодарности будет означать позитивный стимул, в то время как даже самого безалаберного человека, если он упорно не будет вносить свой вклад, могут начать высмеивать и перестать приглашать. Организованность будет необходима в случае возникновения проблем. (Если как правило получается слишком много десертов и недостаточно основных блюд,

группа возможно решит координировать, кто, что будет приносить. Если какая-то щедрая душа будет нести чрезмерное бремя по уборке и мытью посуды, вежливым намёком можно смутить других и призвать добровольцев, или ввести какую-то систему поочередности). Сейчас, конечно, подобная спонтанная кооперация является исключением, и применяется в первую очередь там, где до сих пор сильны традиционные общинные связи или среди маленьких, самоорганизующихся групп людей с похожим складом ума в регионах с не слишком бедными условиями. В мире, в котором человек человеку волк, люди естественно осмотрительны и подозревают друг друга. Если какое-нибудь зрелище не трогает их какой-нибудь сентиментальной человеческой историей, они обычно мало беспокоятся о людях вне своего непосредственного круга. Из-за своих обид и разочарований они могут даже получать мрачное удовольствие, портя удовольствие другим людям.

Но, несмотря на всё то, что не способствует их гуманности, большинство людей, если им предоставляется случай, всё ещё любит заниматься достойными вещами, и им нравится благодарность за это. Заметьте, с какой охотой они пользуются возможностью проявить взаимное уважение, даже открывая дверь перед кем-нибудь или обмениваясь банальными замечаниями. Если случается наводнение или землетрясение, или другие чрезвычайные ситуации, даже самые эгоистичные и циничные люди пробуются спасти других и занимаются этим по 24 часа в день, доставляя еду и первую медицинскую помощь, т.д., без какой-либо иной компенсации кроме благодарности других. Вот почему люди на удивление часто вспоминают войну или катастрофы с чем-то типа ностальгии. Как во время революции, подобные события нарушают обычное социальное отчуждение, давая каждому возможность заниматься реально полезными вещами, и порождая социальное чувство общности (даже объединяя людей против общего врага). В освобождённом обществе эти социализирующие импульсы смогут процветать, не требуя подобных экстремальных предложений.